

Заболела Анна этой весной, прихворнула, как сама с горечью в голосе, говорит. И надо же именно сейчас, когда самая работа и на молокозаводе и на собственном подворье, за день не провернешь работу-заботушку. А тут эта болезнь привязалась и, похоже, надолго. Серьезно застудилась она в цехах заводских — в воде да резине.

А помощники-то дома не ахти какие. Матери вон уже под семьдесят — тоже недомогает часто, в войну надорвалась по полянам да по другим тяжелым работам. Скрипит, конечно, помаленьку на огороде, по двору.

Мужиков в доме нет совсем. Только слезы о них. Полегли родненькие, муж и сын старший, где-то на Смоленщине осенью сорок третьего.

Младшие ребяташки, конечно, помогают, не без этого, стремятся что-то делать. Но дело ответственное, серьезное, доверять еще рано — устают быстро, а то и в игру все норовят превратить. Одна надежда на Лешку — сына среднего, что батина копия. Этот уже взрослый. В январе как-никак двенадцать годков стукнуло. Гордится им Анна. И в школе учится хорошо, спортом, когда время есть, опять же занимается.

Видела раз Анна, что на турнике у школы он выдělывал. Гордость за сына взяла. В тот же вечер выпросила у мужиков на заводе хороший обрезок трубы металлической, домой принесла — вот радости-то было. Турник делал сам с ребятами соседскими. Надежно, добротнo сделали, на совесть. Место выбрал у дома, на полянке, рядом со своей любимой березкой, что брат старший перед войной посадил. Тут же рядом скамеечку основательную приспособил.

Стало теперь это место любимым для сына и его школьных друзей. Собираются вечером зачастую на полянке, устраивают состязания всякие на спор — кто больше подтянется, кто упражнения разные лучше выполнит. Одним словом, по сердцу ребятам стали и турник и занятия эти.

А Лешка еще и музыкой увлекся. В школе говорят, что у него получается.

У соседки Авдотьи Воротниковой осталась после мужа гармошка новая. Купил он ее незадолго до войны, по случаю, в райцентре на базаре. Даже не купил, а на картошку семенную выменял. Туго что-то перед войной с семенами было, вот он на мешок доброй картошки и обменял гармонь эту. Да еще от доброты своей деньгами приплатил немного, чтобы не ушла к другому.

То-то шуму дома было. Разошлась тогда Авдотья, хоть «святых» выноси. Долго бушевала баба, плакала. Успокоилась потом, простила — потому как сильно любила мужа своего Гришу, да и петь сильно любила.

А когда пошли провожать мужиков-то на войну, хорошо играл ее Гриша, надрывно, подходяще для момента такого. Когда запылила по большаку машина с мужиками деревенскими, Авдотья прижала гармонь эту к груди, как самое дорогое, что у нее оставалось и плакала молча, будто предчувствуя, что ничего и никого кроме этой гармонии у нее не останется.

Долго никому Авдотья эту гармонь не давала. Стояла она у нее на месте видном под образами, вместе с единственными фотографиями ее Григория да сына Петра, что погиб где-то на границе северной еще в финскую.

Не раз просили мужики свои, что вернулись с фронта и парни повзрослей, продать гармонь, или поменять на продукты. Никому не отдала, всем отказала, а как иначе — память. А вот Лешке принесла как-то вечером сама.

Все были дома. Зашла Авдотья тихо, без стука. Гармонь несла как ребенка, крепко прижав к себе. Сразу присела на скамью у печи. Некоторое время молчала. Молчали и в доме.

Потом как-то взволнованно сказала:

— Нюра, подруга моя дорогая! Видела я сегодня во сне Гришу своего. Грустный какой-то, а потом и говорит мне, вроде как с укоризной: «Скучно пошто живете? Жизнь-то продолжится. Песен не слышно, музыку не играете. Разве за это мы полегли? Что бы вы горе только горевали. Нет, дорогая супруженица! Мы погибли, чтобы солнце светило, дети и вы радовались всему, песни пели, жизнь возвеличивали да краше делали. И нам радостней будет, душа воспоеет. Вот так-то милая. Помните это, живите и за нас», — так прямо и сказал Гриша то мой. Потом, знашь, Нюра, замолчал он и светлеть стал, навроде облака и пошел куда-то. Не, не пошел, а поплыл над травой зеленой, как наша, а там впереди его лес тоже березовый светлый. А Гриша то уходит и улыбается. Проснулась я, подруга — чисто как-то на душе, светло стало и слез нет... Ты знашь, соседка, день маялась, не могла надумать, что же сделать, чтоб наказ-то его сполнить, не послушаться. И вот решила: а возьми-ка, Лешка, ты гармонь эту солдата моего, пусть и вправду играют она, народ веселит. Пусть и песни поются, может, и вправду легче им там будет.

И она опять замолчала. Вся подобралась как-то. И лицом, будто светлее стала. Потом неожиданно сказала:

— А сыграй-ка Гришину, сынок.

Лешка взволнованно произнес:

— Дак, а смогу ли, ведь редко играю.

— Сможешь, касатик. Все сможешь, — бодро ответила вдова.

Лешка потными, слегка подрагивающими руками взял гармонь из ее рук. Присел тут же на табурет. Попробовал несколько аккордов и как-то робко сначала заиграл, потом музыка зазвучала все громче и громче, торжественнее. Он играл любимую соседа «На сопках Маньчжурии». Играл Лешка хорошо. В доме стояла тишина, никто не сдвинулся с места. Тишина стояла еще какое-то время и после того, как он закончил играть.

Потом Авдотья встала, подошла к сидящему Алексею, поцеловала смутившегося мальчишку и поклонилась в пояс.

— Спасибо, сынок, уважил. Пусть Леша будет тебе это подарком от солдат наших. Вижу, правильно решила, в надежных руках инструмент будет. Играй, людей радуй, — перекрестившись, Авдотья молча вышла.

Вот так появилась в их доме эта гармонь. Без дела она не стояла. Вечерами иногда просили женщины-соседки Анну позвать Лешку с гармонью, поиграть. Ни Анна, ни Лешка никогда не отказывали им в этом. И слышна была в округе чаще грустная музыка и песни грустные, печальные. Плакали женщины да пели, пели да плакали. Словно душу чистили. Напевшись, молча расходились грустные по домам.

Так и текла жизнь деревенская, в заботах да хлопотах. И царапали порой сердце женское до боли страшной воспоминания о жизни прошлой, о солдатах, что не вернулись.

Печально было тогда бабам, вот и собирались вместе выплакаться.

Мать эту весну да и лето, пожалуй, была точно не работница. Лешка видел это, понимал, сочувствовал ей. Больше старался, что посильно взвалить на себя, держал крепко в руках меньших брата и сестру. Да и сами погодки стали вдруг повзрослей и в шесть лет многое уже делали по дому и огороду, ухаживали за мамой, которая еще не могла много передвигаться.

Общими силами, под руководством бабушки, провели в саду все работы. Прибрались, вскопали грядки, мелочь посадили. В конце мая сосед на заводской лошаденке вспахал небольшой клочок земли под огород. Миром посадили и картошку. Помаленьку делали и другие дела.

К началу июня и матери стало полегче. Лешка уже выводил ее ненадолго за ограду. Она тихо сидела на скамье во дворе, любовалась зеленой травой и садом, слушала пение птиц. Радовалась солнцу и курам, что копошились у ее ног. Обрадовало Лешку и бабушку и то, что Анна стала понемногу, но с аппетитом, кушать.

А однажды попросила приготовить ее любимую окрошку, со свежим зеленым луком. Бабушка, конечно же, все скоренько приготовила. А потом с любовью смотрела, как дочь, не торопясь, с удовольствием ест. Бабушка опять начинала плакать и приговаривать при этом:

— От счастья, детки, от счастья я.

Повеселел и Лешка, и малышня. Лешка стал вечерами находить время и на турник, и мяч выходил погонять с ребятами на заводской поляне. Иногда из их сада были слышны и звуки гармонии.

Но это уже была другая музыка — веселая, зовущая. Как-то вечером бабушка тихо под села к Лешке на скамью за оградой. Положила свою натруженную мозолистую, но такую родную ладонь, на его колено и некоторое время молча сидела. Лешке казалось, что рука эта прожжет ему штаны, столько тепла было в этой жилистой и сухонькой руке.

Потом бабушка Ульяна заговорила:

— Видишь, Ляксей, мамке твоей лучше стало. На поправку, стало быть, пошла. Это хорошо!.. Я тут на днях в церкву в соседнюю дерев-

ню с оказией доеду. Помолюсь еще за нее болезную, надо... С тобой о другом говорить хочу. Скоро день рождения у нее. Чтобы тако придумать, подарок какой. Дух чтобы ее еще шибче поднять, настроение чтобы на радость повернуло... Ну, ты меня понимаешь, внучок? Ты молодой, ум у тебя лучше кумекат. Подумай. Что такое можно сделать?

— Да, поднимать надо дочу, поднимать. Одна она у нас пока и надежа и кормилица,— немного помолчав и вздохнув, продолжила старая женщина.— А ты подумай, милай, подумай. И бабушка ласково погладила внука по голове. Потом устало поднялась и молча пошла в ограду, у нее всегда были дела. Чем можно порадовать мать, чем поднять настроение в ее день рождения? С этой думой и заснул Лешка в этот вечер. И утром не давала покоя ему эта мысль.

Надо что-то сделать особенное, женское. Чтобы это было только ее. Но вот что?

Этот вопрос сидел в его голове как заноза. И вдруг под вечер его как током ударило.

Шкатулку! Да, непременно, шкатулку, он сам сделает матери.

Он вспомнил, как в школе на уроке рисования старый учитель-фронтовик Анатолий Романович однажды поставил на высокую подставку простую шкатулку, обделанную простыми битыми ракушками.

Шкатулки такие мальчишки старших классов делали на уроках труда еще до войны. Мальчишки те в основном погибли, остались где-то там, на полях сражений, а вот несколько шкатулок до сих пор хранятся в школе.

Хранил одну такую и старый учитель-солдат, в память о своих ребятах.

Лешка точно помнит, как в классе тогда раздались возгласы восхищения, когда на шкатулку упали лучи яркого весеннего солнца. Все ребята были просто поражены этой простой красотой. Шкатулка переливалась и играла перламутровыми цветами, казалась просто необыкновенной, неземной.

Вот именно такую красоту и захотел сделать Лешка своей матери, порадовать ее. Дело это нельзя было откладывать, времени оставалось не так уж много.

На следующий день, выбрав время, Лешка пошел на завод, в бондарный цех.

Дядя Вася Воронов, друг его отца, один из немногих вернувшихся с войны земляков, всегда был рад Лешке, разговаривал с ним как со взрослым, серьезно и степенно.

Узнав, что собирается делать парнишка, он похвалил его, поддержал. Подобрал ему необходимые дощечки, подсказал, посоветовал как лучше делать.

Инструменты столярные были дома всякие, остались от отца, который очень любил столярничать до войны в свободное от работы время и мальчишек своих учил, как чем пользоваться.

Два или три вечера, перед встречей домашнего стада с полей, Лешка трудился под навесом, где отец когда-то соорудил себе верстак, на котором и производил все столярные и слесарные работы.

Здесь под рукой было все, к тому же всегда под вечер стояла прохлада.

Шкатулка у Лешки получилась необходимого размера, вместимая. Ладной получилась и крышка — легкая, плотно подходила по шкатулке. Придумал Лешка и ножки — подставки, вроде и простые, но на них шкатулка смотрелась гораздо лучше. Форму ножек он подсмотрел у старинного бабушкиного сундука, в котором она хранила все свое самое ценное. Проклеив шкатулку, хорошо обработав поверхность, Лешка остался доволен своей работой.

Шкатулка вышла легкой, даже какой-то изящной. Дело оставалось за ракушками. Да еще надо было все это удержать в тайне. Он старался работать в то время, когда мать час — другой перед вечером отдыхала. Бабушка же зная, чем занимается старший, старалась отправить малышню куда-нибудь с «особым» заданием.

Потом дня два, Лешка под предлогом жары и того, что в стаде, которое пригоняли на водопой, надо посмотреть теленка, что всего несколько дней на выпасах, уходил на озеро. По берегу он шел к дальним камышам, в отдалении от всех купающихся, добывал ракушки. Дело это было нетрудное. Лешка получал двойное удовольствие — дело делал и от души купался.

За это время необходимое количество разных по размеру ракушек он добыл — были и черные и серые экземпляры.

Дома Алексей осторожно раскрыл у всех ракушек створки, извлек содержимое, которое скормил курам. Закончив эту работу, парнишка сложил под навесом наверху в укромном темном месте сушить половинки раковин.

Через несколько дней высохшие половинки Алексей осторожно разломал на нужные по размеру кусочки. Разложив их на свету, долго любовался картинкой, менял местами разломанные части ракушек.

Пришлось опять, взяв с собой несколько забракованных кусочков ракушек, бежать на завод к дяде Василию за советом и за помощью. Как специалист, тот опробовал опытным путем все имеющиеся у него виды клея, что-то помешал, сделал клеевую смесь и сказал:

— Возьми, это будет держать мертво. Только береги, в хозяйстве мужику всегда сгодится.

Еще два вечера Лешка колдовал со шкатулкой. Подбирал цвет перламутра и тщательно подгонял кусочки. В последний вечер было уже темновато, когда он закончил работу. Чтобы избежать всяких неужи-

данностей с ее хранением, он унес шкатулку на ночь в баню, поставил ее на полку над окошком, чтобы клей просох и все «прикипело».

Утром встал раньше обычного вместе с бабушкой, которая выгоняла телка в стадо и уже затопила печь-временку, что сложена на летний период у ограды, чтобы уже начинать что-то готовить.

Когда внук вынес свою поделку из бани на утреннее солнце, у него самого дух захватило. Так она ожила, как будто пропиталась солнечными лучами вся насквозь. Бабушка тоже зачарованно смотрела на поделку внука.

— Ах, какая красота, какая баска! Ну, прям жемчужовая! А горит-то, полыхат, что сама Царь-Птица. Вот это подарок. Вот мать-то рада будет. Молодец, внук! Правильный растешь, рукастый. А как жа, наша порода. Весь в деда и отца. Хорошо, прямо скажу, хорошо!

И бабушка уголком поблекшего фартука утерла набежавшую слезу.

— Теперь вот что, касатик, надежно прибрать надо красоту эту до времени. Вот возьми-ка корзинку, что под навесом, не поленись и в предбаннике на жердочку, где веники висят, повешай. Там она в надежде будет, подсохнет чуток, крепше станет.

День рождения матери выпал на субботу, был конец июня. Погода стояла теплая. До этого два дня дождало. На огородах все радовало. С понедельника начинался Петров пост. Он хоть и не строгий, но деревенские старались его придерживаться.

Несмотря на то, что все знали о состоянии Анны, с поздравлениями потянулись с утра.

Первыми, еще до выгона скота в поле, подошли друзья Вороновы — Василий и Люба. Они спешили на завод. Любовь, принимать молоко, что скоро будут подвозить после утренней дойки, у Василия был большой заказ от производства на тару под масло, вот он и решил до сенокоса поработать в выходные, чтобы впрок наготовить тары. Они преподнесли Анне на день рождения петуха и курицу, Василий что-то прокомментировал на ухо виновнице, что та засмушалась. Принесли ведро рыбы-карася живого, которого только что вывалил из сетей Воронов. Ох, как это было кстати.

Бабушка расщедрилась по такому случаю, подала Василию целый ковш браги, который он с большим удовольствием почти весь и «принял». Крякнув, остаток торжественно двумя руками преподнес жене со словами:

— Не обессудьте, гражданочка. Я в бондарке роблю один. А вы человек умственного труда, вы на людях, вам боле нельзя.

У Любаши чертики пробежали в глазах, но она с улыбкой, поклонившись, сказала:

— Благодарствую, муженек! Чтоб внуки тебе на старости столь водицы подавали.

На что Воронов шутя обратился к бабушке Ульяне:

— Вот смотри, старая, что солдату, осколками посеченному, защитнику-герою, желат жена родная. Закусив, еще немного пошутив, чета Вороновых ушла на завод.

Сразу после того, как прогнали стадо за околицу, подъехал дядька Матвей-безногий, так все в деревне звали его за глаза. Безногий, потому что вернулся с фронта без ноги, а потом и вторую «отчекрыжили» в больнице, как он говорил, так как заражение пошло. Звали же все его уважительно — Матвей Степанович. Хоть и без ног был солдат, но работать любил, везде успевал. И сильно не нравилось ему, когда его жалели.

Успевал Степанович и дома и в колхозе трудиться. И жена его Нина детей рожала часто, чем вызывала шутки и зависть со стороны женской половины населения. Матвей Степанович был родным братом бабушки Ульяны, следовательно был родным дядькой Анне. Любил он свою старшую сестру. Уважал за основательность, надежность и щедрость, за женскую мудрость и покладистость. Любил он и племянников своих. И несмотря на то, что его семья жила скромно, он всегда чем-нибудь да помогал сестре и Анне.

Вот и сейчас Матвей Степанович привез ведра два картошки, хороший кусок копченого сала, что весной коптил, и полную «лагушку» кваса березового на ячмене.

Степановичу Ульяна налила не браги, а с уважением подала стакан водки, что держала про запас для брата всегда. Матвей Степанович пожелал Анне доброго здоровья и простого бабского счастья, с большим удовольствием выпил и тоже крякнул. Так, наверное, делают все, кто понял цену жизни и дорожит ею, кто занял свое место на земле этой.

Больше пить не стал, сославшись на работу и свои принципы. Да, все знали, что в этот период он возил по бригадам на покосы воду и людям, и лошадям, и для техники. Дело делал важное. Степанович немного закусил, попросил разрешения подымить. Покурил, что-то тихо сказал сестре. Потом громко обратился к Анне:

— Там вечером моя забежит с подарком. Да и отдохнет пусть, умялась тоже. Если меня не будет, не обессудь. Могу, племяшка, уработаться за день так, что свалюсь без ног.

И Матвей Степанович как-то невесело улыбнулся, посмотрев на культю в брезентовых защитных чехлах, но все же бодро попрощался со всеми и уехал.

Больше в течение дня никто с поздравлениями не заходил. Субботний день, хлопотный банный день — работы хватало всем. Но домашние знали, что вечером непременно придут и подруги и соседи.

Поздравив и поцеловав мать, ребята объявили, что подарки будут вручать только при всех вечером за столом.

Бабушка потихоньку хлопотала весь день. Помаленьку помогала ей и Анна с малыши. Готовили окрошку, варили картошку цельную в чугуне, нарезали копченого и соленого сала. Лешка на грядках нащипал много лукового свежего пера. Он знал, что будет сегодня на столе это неприхотливое блюдо с домашней сметаной.

Любят эту простую закуску в деревне летом. Идет она и с картошечкой горячей и под сало идет «за милу душу», да и просто с хлебом.

Разливали по крынкам квас ядреный и ставили в углубление в земле под навесом. Женщины готовили и мясо. Столы и лавки поставили у ограды, часть их взяли у соседей.

Ребята в заводском саду аккуратно наломали березовых веток, постарались с душой украсить стенку навеса, возле которой стояли уже столы. Поставили и на них веточки в простых глиняных крынках. Все было готово.

Вечером гости собрались быстро. Все после бани, уставшие за рабочую неделю, с большим удовольствием садились за столы.

Анна вышла нарядная, в цветастом платье, что до войны купила в городе с мужем. Это платье он сильно любил.

Все желали Анне здоровья, что-то дарили. Старый учитель-ленинградец, что поселился с женой в деревне во время войны и похоронивший здесь супругу, преподнес Анне букет полевых цветов и прочитал стихотворение о женской доле, чем растрогал женщин за столом.

Жена Матвея Степановича подарила ей отрез на платье и что-то прошептала племяннице на ушко.

Бабушка, подойдя с поздравлением, разволновалась, не могла ничего сказать, поцеловала дочь, расплакалась и отошла хлопотать под навес.

Когда настала очередь детей, малышня о чем-то пошептавшись, убежали в баню. Вышли оттуда с красивым венком из полевых цветов и зеленых веточек.

Они попросили мать сесть и торжественно надели на голову своей любимой мамы это простое великолепие. Анна совсем растрогалась, ее глаза стали слезиться, и она часто прикладывала к ним платочек.

Последним с поздравлением и подарком в руках вышел Алексей.

Он начал говорить негромко, но говорил так, чтобы все слышали:

— Мама, то, что я тебе сейчас подарю, делал сам. Не знаю, понравится, нет. Но я старался. И сильно хочу, чтобы по сердцу тебе был подарок этот, как это платье, что купил тебе отец. Делал я его отцовским инструментом, делал и думал о них — о бате и братке. Думал, чтобы они подарили тебе сегодня. Так что правильно будет, что подарок этот я тебе подарю от всех нас, от всех твоих родных мужчин.

И Лешка замолчал. Он сильно волновался. Ведь не в школе, а перед своими близкими и соседями впервые говорить довелось. Видя, что внук сильно волнуется, бабушка негромко подбодрила его:

— Давай, Ляксе́й, не робей. Дари подарок-то. Лешка развернул тряпицу, в которую была завернута шкатулка, бережно, двумя руками преподнес ее матери. Заходящие лучи солнца ласково коснулись подарка, и шкатулка заиграла, все цвета радуги ожили на ней.

Мать тоже двумя руками приняла этот дорогой для нее подарок. Отвела его в сторону, чуть приподняв вверх, или чтобы все видели его, или чтобы лучи уходящего солнца на прощание еще раз коснулись шкатулки.

Да, она была прекрасна. Мать и подумать не могла, что такое мог сделать парнишка, ее подрастающий сын.

Анна бережно поставила шкатулку рядом с собой, потом крепко обняла Лешку. Она ничего не говорила, но ее плечи стали вздрагивать. Мать беззвучно плакала на плече повзрослевшего сына. Потом медленно подняла голову, и все увидели в ее глазах какой-то особенный блеск, это был блеск радости, счастья и гордости.

— Спасибо, сынок, за подарок расчудесный, за руки твои золотые, за старания твои. За радость, что мне доставил. Особливо спасибо тебе, сынок, за память твою и слова. Слова добрые, слова правильные, что сказал ты сейчас от сердца об отце своем и брате.

Анна на какое-то время замолчала, потом, поцеловав Лешку, молча присела. Все-таки непрошедшая еще до конца болезнь, волнения сегодняшнего дня сказались — она устала.

Затем она подняла стакан, что стоял перед ней и торжественно, но спокойно произнесла:

— Да, правильно сказал сейчас сын мой. Надо думать о них, о тех, кого нет сейчас с нами. Но они в сердцах наших навечно. Дело делаем — они с нами. Горе мыкаем — они с нами. Радость у нас — пусть и у них радость будет. За радость эту они полегли, не возвратились к нам — отцы и мужья, сыновья и братья, девчонки и бабы, молодые и старые — родные наши. И пока живы, помнить о них и о времени том будем, крепко помнить. Все сдюжим, все переживем. Давайте, родные и дорогие мои, выпьем за них, за память нашу. Спасибо им всем за то, что солнце светит, детишки спят спокойно, сны добрые видят, о будущем мечтают.

Все слушали Анну молча. Каждый сейчас думал о своем и о том, как живется без них, думали о солдатах, лежащих где-то в краях неведомых далеких и здесь на родном погосте за озером.

Вечер стоял теплый. Постепенно застолье стало более оживленным. Анну поздравляли, выпивали, закусывали. Уже сыпались шутки, прорывались забористые частушки, слышался чаще смех. Ребятно уже отправили спать, Лешку же оставили посидеть со взрослыми.

Через какое-то время его попросили поиграть. Гармонь уже с вечера стояла под навесом на верстаке, дожидаясь своего часа. Лешка стал играть, что просили. Играл он сегодня с каким-то особым подъемом и настроением.

Радовало то, что подарок матери пришелся по душе, что он за столом со взрослыми и что они признают его как равного.

Люди пели душевно, без надрыва и крика, спокойно и величаво. Песни ложились на душу и уплывали куда-то в темнеющее небо. Пели о женской доле и о войне, о любви и сторонке родной, пели о том, что дорого в жизни этой каждому за этим столом. После очередной песни народ за столом стихал, кто-то вытирал слезы, кто-то просто молчал, подперев голову руками.

На небе были уже четко видны звезды, ночь накрыла деревню темным цыганским платком. Анна, извинившись перед гостями, отправила Лешку спать. Кое-кто из соседей тоже засобирился было уходить, сославшись на завтрашнюю занятость. Но с общего согласия решил еще немного посидеть, благо было тепло да и на столе было чем угоститься.

Снова стало оживленно. Уже засыпая, Лешка услышал пение матери. Запела одна, других голосов он не слышал. Давно она не пела. Не пела с тех пор как проводила мужа и сына на фронт. Замкнулась в себе и стала гаснуть, когда получила похоронки на своих дорогих мужиков.

А сейчас она запела их любимую с отцом песню «По диким степям Забайкалья». Они пели эту сибирскую народную песню часто, когда ехали на покос или в деляны, или иногда просто вечером, когда оставались вдвоем. Она пела о судьбе каторжника так душевно и просто, так чувственно, что все за столом даже и не пытались подхватить песню, чтобы не нарушить воцарившуюся гармонию.

Засыпая, Лешка улыбался — ему стало тепло, надежно и спокойно.

